

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-186-202>

УДК 930.85(4) “9–20”

ББК 63.3 (4)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. И.И. Калиганов

г. Москва, Россия

**РУССКО–ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 гг.
И ПОЕЗДКА ЧЕРЕЗ БОЛГАРИЮ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА А.Г. КРАСНОКУТСКОГО**

Аннотация: В статье рассматриваются первые описания природы Болгарии в русской литературе начала XIX в. дипломатического курьера А.Г. Краснокутского. Они были результатом его непосредственных впечатлений, полученных во время поездки в 1808 г. из Бухареста в Константинополь через болгарские земли с депешей от русского военного командования к турецкому султану по поводу возможного заключения мира. Обстоятельства, однако, сложились так, что начавшаяся в 1806 г. война между Россией и Турцией, к сожалению, была продолжена. Но проявивший писательский талант Краснокутский оставил потомкам замечательные воспоминания о своем путешествии в Константинополь и обратно, написанные им в жанре романтических писем анонимному другу («Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году, самим им писанные», 1815). В них приводятся описания Балкан, перевала через Шипку, Долины роз и других болгарских местностей, а также бури на Дунае. Интересна и сама полузабытая русско-турецкая война 1806–1812 гг., которая впервые выявила закономерное неоднозначное отношение болгар к русским войскам. С одной стороны, болгары содействовали им или даже напрямую участвовали вместе с ними в борьбе против турок, а с другой — вели против них партизанские действия, особенно, в стертом с лица земли, обезлюдившем болгарском Подунавье.

Ключевые слова: Болгария, Россия, первые описания болгарской природы, неоднозначные болгарско-русские отношения.

Информация об авторе: Игорь Иванович Калиганов — профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32А, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1106-5091>

E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.08.2024

Дата одобрения рецензентами: 12.09.2024

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Калиганов И.И. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и поездка через Болгарию в Константинополь дипломатического курьера А.Г. Краснокутского // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76. С. 186–202.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-186-202>

Для русских людей одной из возможностей увидеть Болгарию и болгар собственными глазами, как и во времена князя Святослава (X в.), продолжали оставаться войны. Но во время ведения боевых действий во второй половине XVIII в., когда русские войска вступали в болгарские земли, наши офицеры не обращали особого внимания на Болгарию и болгар — для них это был театр военных действий с местным населением, включавшим и христиан. Очень краткие сведения о стране мелькали лишь в донесениях русских командиров, оседая затем в военных архивах, чтобы в лучшем случае через много лет оказаться извлеченными на свет военными историками.

Внимание наших военачальников и офицеров могло остановиться на самой Болгарии и болгарях в период русско-турецких войн лишь тогда, когда появлялась возможность перевести дух от страшного внутреннего напряжения, вызванного постоянно стоящей за спиной Смертью, или от извечных для фронта бытовых проблем. Одним из таких случаев была поездка через Болгарию в 1808 г. дипломатического курьера А.Г. Краснокутского из Бухареста в Константинополь. Она состоялась в период войны России с Османской империей в 1806–1812 гг., которая оказалась в тени более ярких исторических событий, отодвинувших ее на периферию нашей национальной исторической памяти. Наиболее близки к ней по времени знаменитый переход Суворова через Альпы в 1799 г.; Аустерлицкое сражение 1805 г.; Тильзитский мир 1807 г. и Отечественная война 1812 г. Последние три из них нашли свое художественное воплощение в эпохальном романе Льва Толстого «Война и мир», что отчасти повлияло на восприятие русско-турецкой войны 1806–1812 гг. как некой второстепенной и не заслуживающей особого внимания. Между тем в ее истории имеется немало интересных страниц, о которых порой следует напоминать потомкам. Это форсирование нами Дуная; взятие Руцука, Свиштова, Тырнова, Силистры и других болгарских городов; победы на море вице-адмирала Д.Н. Сенявина; разгром М.И. Кутузовым сильной армии турок и заключение с ними выгодного для нас Бухарестского мира в самый канун нашествия Наполеона на Россию.

Упомянутая поездка в Константинополь дипломатического курьера А.Г. Краснокутского состоялась в октябре–декабре 1808 г. и была связана с попыткой России провести новый раунд переговоров с Турцией для заключения между двумя сторонами взаимовыгодного мира. Она произошла после подписания Александром I и Наполеоном 2 июля 1807 г. Тильзитского договора, один из пунктов которого предусматривал вывод наших войск из Молдавии и Валахии и урегулирование русско-турецких отношений при посредничестве Франции. Переговоры протекали трудно, поскольку обе стороны не хотели идти на уступки. Россия первой в 1806 г. объявила войну туркам, но она была спровоцирована их недружественными действиями. Во-первых, Турция по своему усмотрению сместила в Молдавии и Валахии неугодных ей прорусских господрей Александра Мурузи и Константина Ипсиланти, хотя назначение правителей этих Дунайских княжеств, в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г., должно было проводиться по согласованию с Россией. Во-вторых, Турция закрыла свои проливы для русских военных кораблей, что в условиях тогдашних войн Европы с Наполеоном было актом более чем показательным. Вслед за этим 11 ноября 1806 г. последовало объявление туркам войны и введение наших войск в Молдавию, Валахию и турецкие крепости Хотина, Бендер, Аккермана и Килии. В ответ на это Турция в свою очередь 19 декабря 1806 г. объявила России войну.

Турки решили перейти через Дунай и нанести удар по отряду генерала М.А. Милорадовича, который прикрывал дорогу к занятому нами Бухаресту. Для этой цели великий визирь Али-паша к апрелю 1807 г. собрал армию из 25 тысяч пехоты,

15 тысяч конницы и 80 артиллерийских орудий, сосредоточив силы у Силистры и собираваясь подключить к операции войско Рушукского (Русенского) паши. Но дворцовый переворот в Константинополе, в результате которого новым султаном стал Мустафа IV, отодвинул начало реализации замысла Али-паши. Часть его войска численностью 16 тысяч человек переправилась через Дунай у Калараша только на исходе мая. Турки двинулись к местечку Обилешти, о чем местное население сразу же известило генерала Милорадовича. Тот не стал ждать неприятеля, а выдвинулся ему навстречу с 7-тысячным отрядом. Али-паша расположил свой лагерь чуть севернее Обилешти очень умело. Левый фланг турок надежно прикрывала илистая долина ручья, а правый — несколько рядов глубоких траншей. Именно к этому лагерю после ночного марш-броска на рассвете 2 июня 1807 г. и начал приближаться отряд Милорадовича. Из походного маршевого состояния он перешел к боевому построению: 5 каре в первой линии, во второй — развернутые как резерв егеря, в промежутках между каре — артиллерия, на флангах — казаки и гусары.

Али-паша направил во фронт и на левый фланг русских свою конницу. Несколько ее лихих атак были встречены залпами каре и картечью и отбиты с большим уроном для турок. Наши пехотинцы продолжали неумолимо продвигаться к лагерю и, достигнув окопов, бросились на неприятеля в штыки. Турки не выдержали и обратились в паническое бегство, преследуемые нашими гусарами и казаками. Общие их потери составили около 3000 человек — наши ровно в 10 раз меньше. Али-паша был вынужден возвратиться на правый берег Дуная. Одержав победу, генерал Милорадович устремился назад к Бухаресту, потому что с юга угрожало войско рушукского паши. За четыре дня отряд Милорадовича преодолел около 100 верст, но, несмотря на это, его солдаты не утратили своей боеспособности. А рушукский паша, получив известие о поражении своих соплеменников под Обилешти, не осмелился в одиночку выступать против русских и отдал приказ об отступлении [2, с. 8–74]. Этим событием закончился первый этап русско-турецкой войны 1806–1812 гг., которая была отмечена небольшим числом наших военных успехов и отдельными дипломатическими поражениями. К сожалению, заместитель командующего Молдавской армии генерал К.И. Мейендорф¹ поспешил выполнить пункт Тильзитского мира о выводе русских войск из Молдавии и Валахии, чем вызвал страшное недовольство Александра I, который намеревался в переговорах с турками добиться больших дипломатических результатов. Император отправил в отставку Мейендорфа и назначил командующим Молдавской армией фельдмаршала, князя А.А. Прозоровского — человека почтенного возраста, но обладавшего поразительной для своих лет энергией [6, с. 238].

Момент для дипломатических торгов с турками был для нас весьма подходящим. Поражение армии Али-паши под Обилешти 2 июня 1807 г. и сокрушительный разгром через 17 дней турецкого флота в Афонском сражении вице-адмиралом Д.Н. Сенявиным² способствовали подписанию 12 августа 1807 г. русско-турецкого Слободзейского перемирия. С целью передачи наших предложений из Бухареста, где располагалась штаб-квартира командующего А.А. Прозоровского, в Константинополь с депешей был отправлен его флигель-адъютант А.Г. Краснокутский [4]. Деша была адресована великому визирю Мустафе Байрактару, слово которого очень много значило

¹ Командующий Молдавской армией генерал И.И. Михельсон к тому времени скончался. — *И.К.*

² В результате состоявшегося 19 июня 1807 г. сражения напротив Св. Афонской горы русский флот разгромил турецкую эскадру под командованием капудана-паши Сеид Али. В ходе этой битвы и бегства турки потеряли 8 из 20 кораблей и надолго утратили свою былую мощь на море.

при принятии султаном важнейших государственных решений. 24 октября в семь часов утра 1808 г. Краснокутский прибыл в расположенную на левом берегу Дуная турецкую крепость Журжу (Джурджу). Улицы ее были пустынные, потому что стоял священный месяц Рамазан, во время которого турки соблюдают пост, гуляют по ночам, а спят утром и днем. Краснокутскому предстояло переправиться через упомянутую реку в условиях страшного ненастья, ветра и стужи. Комендант крепости Едим-паша, с которым он был лично знаком, уговаривал его отложить переправу на несколько дней по причине сильных волн, еще вчера утопивших лодку вместе с гребцом. Но Краснокутский не мог ждать, и его настойчивость принесла плоды. Паша лично отправился на причал и приказал перевозчикам доставить русского курьера на противоположный берег. Те колебались, но возможность получить за работу немалые деньги пересилила страх.

По поводу этого эпизода путешествия А.Г. Краснокутского иногда пишут, будто он является первым художественным описанием Дуная в русской литературе [1, с. 16], но подобное утверждение — явное преувеличение. Краснокутский ничего не сообщает ни о ширине реки, ни о цвете дунайской воды, ни о различии речных берегов (правый высокий, а левый низкий), ни об изобилии в Дунае разнообразных рыб или чем-либо иным, для него характерном. Описанная им картина переправы через Дунай, в сущности, является изображением страшной бури, которая могла произойти при пересечении любой другой широкой водной преграды. Эмоции переполняют автора через край, подобно волнам, которые, по его словам, захлестывали борта лодки, грозя ежесекундно ее потопить. Ощущение опасности передается образами ужасной бури и побледневших перевозчиков, воздевающих руки к небу и приговаривавших «Алла! Алла!...». Все это — не более чем типичный прием углубления автора-рассказчика в собственные чувства, характерный для сентименталистов и романтиков. После ночевки в крепости Рушука в доме местных армян братьев Богосовых Краснокутский, откровенно недовольный невероятной медлительностью турок, в 8 часов вечера продолжил свой путь к Константинополю верхом в сопровождении татарина и личного переводчика. От Рушука до Разграда он скакал двенадцать часов, преодолев 60 верст. Затем путь его лежал к Джуме (Джумае), до которой было шесть часов езды. По дороге он, по собственному свидетельству, не заметил ничего примечательного, кроме часто встречавшихся фонтанчиков воды, которые турки любят возводить вдоль дорог для утоления жажды странников.

От Джумы Краснокутский скакал верхом 12 часов до Осман-Пазара (Омуртага) и затем далее, не останавливаясь, несмотря на болезнь. К счастью, недомогание быстро прошло, и это было очень кстати, поскольку Краснокутскому и его спутниками предстояло перевалить через Балканы, что было нелегким предприятием: переход отнял у них целых 14 часов, которые показались вечностью. Балканы поразили Краснокутского своим печальным, угрюмым видом и заснеженными вершинами, вечно покрытыми туманом. Выглядывая из облаков, они, будто предрекали гибель тем путешественникам, которые осмелились к ним приблизиться. Около 20 верст путникам приходилось пробираться по узкой каменистой тропинке, изумляясь тому, как лошади могли идти по таким камням и при этом не спотыкаться. С одной стороны от тропинки нависала отвесная скала, а с другой — зияла бездонная пропасть. Непрестанный шум водопадов усугублял мрачность и без того угрюмого зрелища не пропускавших солнечных лучей темных дремучих лесов Балкан. Иногда путникам, по свидетельству Краснокутского, приходилось спешиваться и чуть ли не по 10 верст идти пешком из-за гололеда, на кото-

ром могли поскользнуться лошади. Вести лошадей по такому пути было нелегкой задачей, поскольку турецкие подковы были изготовлены словно для того, чтобы усилить скольжение.

В целом Балканы, по словам Краснокутского, простираются на 70 верст и в зависимости от своей высоты демонстрируют путниками различные времена года. Двадцать верст перед ними была зима; восемнадцать — осень; пятнадцать — весна, а у подножия Балканского хребта их встретило лето. Перед путниками открылись два противоположных пейзажа. С одной стороны во всю силу сияло солнце, виднелись зеленые поля и долины, а с другой — покрытые льдом вершины с сыплющимся снегом. Эта противоположность природы напомнила Краснокутскому две стороны человеческой жизни, в которой радость соседствует с горестью. Его удивило и то, что местные жители могли поселиться в таких ужасных горах. При этом они сумели не только привыкнуть к ним, но и полюбить их настолько, что не променяли бы ни на какие другие, более удобные для жизни места [4, с. 7–8]. Переход через Балканы стал для путников серьезным испытанием на прочность, поскольку горы ежесекундно были готовы отнять у них жизни. Краснокутскому казалось, что на грозных вершинах Балкан курится вечная жертва Творцу природы. Естественным поэтому было то, что после благополучного преодоления Балкан проводник татарин слез с лошади, разостлал свою одежду на камне и стал возносить хвалу Аллаху. Такое же усердное моление ко Господу вознеслось из глубины сердца и у самого Краснокутского.

Горы путники проехали за два дня — на третью прибыли в Сливны (Сливен). Первую ночь Краснокутский провел в селе Чатак в доме болгарина, где его слух и душу уладила болгарская речь чем-то похожая на русскую. Расчувствовавшись, он подарил детям несколько серебряных монеток с изображением Екатерины II, отчего вся семья пришла в полный восторг. Они целовали ее образ и говорили, что русская Государыня намеревалась освободить болгар от турок. И добавляли, что это непременно случится, потому что горы не помеха для русских солдат, которые, как говорят, преодолевали еще более непроходимые места [4, с. 9]³. 26 октября наш герой был уже в обнесенном неприступной стеной городе Казане (Котеле). По его наблюдению, население этого города составляли в основном болгары и арнауты-албанцы. На следующее утро путники прибыли в город Сливен и, сменив лошадей, отправились в Ямбол. Там Краснокутский встретил облаченного в турецкую одежду бывшего русского солдата. Тот рассказал ему, что ранее служил под началом А.В. Суворова и звался Иваном Терентьевым, но десять лет назад прельстился магометанской верой, принял ислам и стал именоваться Солиманом. Спустя время он понял, что натворил, раскаялся и, плача, просил передать землякам, чтобы те верой и правдой служили России и Государю и не поддавались искушению, иначе совесть будет их мучать до гробовой доски. Посочувствовав бывшему русскому солдату, Краснокутский подарил ему три червонца и отправился далее в Константинополь, до которого от Ямбола оставалось 18 часов езды через Папалзар, Адрианополь, Бабескан, Бургазы. Во время ночевки в местечке Чорли ему рассказали, что рушукский паша Мустафа Байрактар устроил поход на Константинополь, изгнал из своего войска хорватов из-за их неспособности ни к чему, кроме грабежей, и те отплыли на кораблях в чужие края. Сам же паша одержал в окрестностях Чорли победу в кровопролитном сражении с янычарами.

В Константинополе ставший великим визирем Мустафа Байрактар принял Краснокутского очень ласково, обещал незамедлительно послать полномочных представителей для переговоров в Яссы и просил прийти за ответом через два дня,

³ Возможно, слухи о переходе армии А.В. Суворова через Альпы достигали и Болгарии — И.К.

но за несколько часов до аудиенции вспыхнул кровавый бунт янычаров, вслед за которым последовал очередной дворцовый переворот. Во время него в Константинополе сгорело более 4000 домов; противоборствующие стороны рубились на улицах саблями, резали друг друга кинжалами, палили из ружей и пистолетов. Визирь Мустафа Байрактар задохнулся в дыму в своем собственном доме. Пришедший на смену Мустафе новый визирь Юсеф вручил Краснокутскому орден Луны⁴ и письмо с заверением о скорой отправке в Яссы переговорщиков для подписания мира. Заключить его было нелегко, потому что турки требовали невмешательства России в дела сербов, которые в 1804 г. подняли восстание против турок, а в 1807 г. отбили у них Белград. Но оставить сербов без поддержки Александр I не мог: в январе 1808 г. по просьбе сербских повстанцев он послал им 500 пудов пороха, 700 пудов свинца, большое количество ружей, 60 тыс. рублей на прочие военные расходы, а затем еще 5 тысяч ружей из Московского арсенала. Турки желали также отвода русских войск за Днестр и возвращения им военных судов и пушек — трофеев русских моряков после победы вице-адмирала Сенявина над турецким флотом. Заключение подобного позорного мира для России стало бы унижительным. Александр I отозвал переговорщика С.А. Ложкарева из-за чрезмерной «гибкости» по этим вопросам и уволил прежнего временного главнокомандующего Мейендорфа.

По причине крайней смуты среди турок в болгарских землях после переворота в Константинополе путь А.Г. Краснокутского назад в Бухарест оказался не кратчайшим, а более долгим и извилистым. Он лежал через Мраморное море, Родосто, Малгары, Кешу, Феру, Кавалу, Серес и далее. Не желая подвергать опасности жизнь русского дипломатического курьера (смерть которого вызвала бы ухудшение отношений между сторонами), турецкие наместники по распоряжению сересского военачальника Исмаил-бея «передавали его из рук в руки», отправляя далее самым безопасным, с их точки зрения, путем. Вот почему до Разлога А.Г. Краснокутский добирался через Неврокоп по иногда переходящей в тропинку скользкой дороге. Она пролегла вдоль отвесных скал и пропасти с шумевшей внизу быстрой рекой. Путников при этом сопровождал резкий, пронзительный ветер, способный сдуть людей. Говоря о Разлоге, Краснокутский отметил наличие в городских окрестностях множества минеральных бань с лечебной водой, а также то, что дорога до следующего города Пазарджика занимает четверо суток езды. Она пролегла сквозь крутые горы, была крайне каменистой, но камни, к счастью, были покрыты снегом, и это спасало от ушибов при падении. Лошади часто спотыкались, что вынуждало путников на спусках спешиваться и брать их под уздцы. Конские ноги скользили по заледенелому снегу, словно к ним были привязаны коньки. Спешившимся путникам было не легче: поскользнувшись, они могли свалиться в пропасть. Несмотря на трудности, утром в 11 часов 2 декабря вся группа всадников была уже в Пазарджике.

Город этот, по свидетельству Краснокутского, довольно обширен, с множеством домов, среди которых встречаются и каменные. Поскольку гостеприимный Исмаил-бей устроил путешествие Краснокутского к Рущуку таким образом, что перед русским посланцем скакал турецкий гонец, извещавший начальников встречаемых селений о предстоящем прибытии важной дипломатической персоны, то появление путников в Пазарджике не было неожиданным. Пазарджикский начальник Гасан-бей учтиво выслал навстречу Краснокутскому 25 человек, которые препроводили его ко двору хозяина.

⁴ Краснокутский получил орден полумесяца со звездой, усыпанной бриллиантами + табакерку с алмазами. — И.К.

Тот предлагал гостю заночевать, предупреждая, что прямая дорога к Рушуку через Карлово очень опасна, поскольку в нем заперся бунтовщик Елик-оглу. Он возглавлял ранее турецкий гарнизон в Силистре, но после смерти Мустафа-паши взбунтовавшийся народ изгнал его оттуда, вынудив искать прибежище в Карлово. По словам Гасан-бея, этот бунтовщик творил всяческие пакости путникам, и поэтому гостям лучше отправиться к Рушуку через Филиппополь (Пловдив), хотя и придется временами удаляться от пункта своего назначения. Для обеспечения безопасности путников Гасан-бей послал конвой из 50 всадников, которые сопровождали их на протяжении шести часов до самого Филиппополя. По дороге к этому городу взгляд Краснокутского, по его признанию, не уловил чего-либо примечательного и достойного описания.

В Филиппополь путники прибыли 3 декабря, встреченные группой из 40 человек, которых послал начальник города Назырь Рустам-ага. В его распоряжении находился турецкий гарнизон численностью 17 тысяч солдат, но многие из них, подобно горожанам, были недовольны назначенцем Мустафы-паши в Константинополе. Поэтому резиденцию градоначальника окружала семитысячная охрана верных ему подчиненных. Краснокутского разместили в доме местного православного архиерея, который жаловался ему на жизнь в постоянном страхе и разорении и сообщил о своем желании переселиться в более спокойную Россию. В четыре часа пополудни Краснокутского пригласили на прием к градоначальнику, пославшего для него лошадь с богатым убором и 50 человек провожатых. При приближении к резиденции заиграла музыка, и гостеприимный хозяин вышел на крыльцо встретить почетного гостя, чтобы препроводить его в покои, где собрался цвет местного общества. Разговоры за столом вертелись вокруг темы мира и опасностей предстоящего передвижения гостя по дороге, вдоль которой находились города с взбунтовавшимися жителями. Они противились правлению Мустафа-паши и изгоняли из городов назначенных им начальников. В ответ на бунты рушукский паша Ахмет Эфенди, по словам собравшихся за столом, послал несколько тысяч своего войска для поддержки прежних начальников. С целью обеспечения безопасности путников Назырь Рустам-ага послал вооруженный эскорт из 70 человек. Дальнейшим пунктом назначения в маршруте следования Краснокутского был город Чирпан, куда он отправился из Филиппополя 4 декабря. Во время десятичасовой езды болгары из окрестных сел выходили поприветствовать почетную кавалькаду, будучи предупреждены заранее о предстоящем событии упомянутым гонцом.

В Чирпан кавалькада прибыла в тот же день после захода солнца. Городские ворота оказались закрытыми и распахнулись перед гостями только после длительных переговоров и разъяснений. Горожане были объаты страхом, ежедневно ожидая нападения бунтовщиков. Городской гарнизон под началом Халила-аги Окулая был сравнительно невелик и насчитывал всего три тысячи человек. Приглашение Халила встретиться Краснокутский отклонил из-за усталости — после ужина он сразу лег спать, чтобы на рассвете 5 декабря отправиться дальше в Загру (Загору). В дорогу ему, как и на всем протяжении пути, выделили провожатых, и спустя 8 часов он был в пункте назначения, где все ждали нападения бунтовщиков. Не теряя времени, Краснокутский продолжил свой путь до Казанлыка, который находился в шести часах езды от Загоры. На протяжении 25 верст дорога проходила через обширные сады роз, служащих для производства лучших в мире розового масла и розовой воды. Из Казанлыка их, по словам Краснокутского, отправляют в различные края света, в том числе и в столицу османов. В Казанлык гость прибыл в 10 часов вечера, и был устроен на ночлег. Утром он получил через посыльного подарки в виде флакончиков с розовым маслом и розовой

водой, а также заверение от начальника города Кюллея Гассан-аги, что далее дорога до Рущука полностью безопасна. Градоначальник также сообщал, что накануне в город из Рущука прибыл большой отряд под предводительством Кара Мустафы для усмирения бунта Елик-оглу в Карлове. Отблагодарив посыльного несколькими червонцами и выразив благодарность за подарки, Краснокутский решил продолжить свой путь.

С восходом солнца 6 декабря Краснокутский направился к Шипкинскому перевалу, радуясь прекрасной погоде и любясь садами роз, аромата которых, правда, не ощущалось по причине уже наступивших холодов. Через некоторое время он прибыл в село Шипка, которое находилось подле горы, давшей ему такое название. По своей высоте она, по его словам, превосходила все горы Османской империи⁵. Вид горы вызвал у путников настоящий ужас: вершина ее была абсолютно голая, лишенная не только деревьев, но и кустарников. Они узнали, что преодолевать расположенный здесь перевал даже при сравнительно слабом ветре очень опасно. Он стал сущим наказанием для курьеров, которые в случае непогоды вынуждены иногда простаивать здесь по несколько недель кряду. Местные жители, однако, по одним только им известным приметам, безошибочно предсказывают, какой будет на Шипке погода сегодня или завтра. Погода, к счастью, благоприятствовала Краснокутскому и его спутникам. Тем не менее, при восхождении в горы солнце быстро село, стало темно, и всех мгновенно окутал пронизывающий холод. А когда путники начали приближаться к облакам, то покрылись инеем и передвигались через них, словно через быстро носившийся вокруг густой туман. Ближе к вершине, достигнутой ими спустя 9 часов, они остановились. Было пасмурно, но тихо. Внизу открылось живописное зрелище медленно менявших свою форму облаков. От освещавших их солнечных лучей они выглядели как набегające золотистые волны моря или какие-то движущиеся горы. Только настоятельные просьбы провожатых заставили Краснокутского оторваться от этой обворожительной картины [4, с. 114–115].

При спуске с горы из-за крутизны дороги путникам часто приходилось спешиться и съезжать вниз на спине. Это продолжалось на протяжении целых пяти часов, а вся дорога до Тырнова заняла 18 часов. В город путники прибыли в полночь, и может быть поэтому утомленный Краснокутский не оставил о нем никаких заметок. Он лишь сообщил, что ночлег предоставил ему Феиз-ага, военачальник города, после чего его одолел такой сладкий сон, о котором имеют представление только путешественники, спустившиеся с облаков на землю. Утром Краснокутский отправился далее в Руцук, до которого, по его свидетельству, было 20 часов езды. В дорогу гостеприимный градоначальник отправил с путниками 15 провожатых, хотя опасности, казалось бы, остались далеко позади. Лишь несколько раз отряду пришлось преодолевать вброд небольшие речушки. На полпути Краснокутский заночевал в одной из деревень. Местный начальник Баркалобой принял его очень ласково, но беседа не клеилась, поскольку мыслями Краснокутский был уже в Рущук. В нем он оказался в семь часов вечера и был встречен у ворот несколькими турецкими всадниками, которые проводили его к своему начальнику, руцукскому паше Ая Ахмеду Эфенди. Под ружьем у него находилось 10 тысяч человек, двор кишел многочисленными телохранителями, играла музыка.

Ая Ахмед Эфенди послал ранее в Бухарест в заложники своего друга Манук-бея, который своей головой отвечал за жизнь русского дипломатического курьера по дороге в Константинополь. Краснокутский также писал, что в Руцук он возвратился

⁵ Здесь А.Г. Краснокутский допустил неточность, поскольку самой высокой на Балканах и в Восточной Европе является вершина Мусала (2925 м) в горах Рилы — *И.К.*

благополучно — именно так, как и предсказывал один мудрый турецкий старец. Когда все начали беспокоиться о судьбе русского дипломатического курьера, старец рассказал о своем вещем сне. В нем он видел, что русский посланник будет обласкан султаном в Константинополе, будет награжден орденом Луны и благополучно вернется в Рушук. Радуюсь тому, что поездка Краснокутского в Константинополь завершилась благополучно, Ахмед Эфенди подарил ему великолепного скакуна, которого тот позднее, по собственному признанию, продал в Бухаресте за 300 червонцев. Краснокутский не мог рассказывать никому о подробностях готовящегося мира, но благосклонный прием русского дипломатического курьера в Высокой Порте сулил всем давно чаянную мирную жизнь. Почетный эскорт из 300 турецких всадников сопровождал Краснокутского до самого берега Дуная. После того, как он переправился через реку, в расположенных напротив друг друга дунайских крепостях Журжу и Рушука сразу же началась пушечная пальба. При въезде в Журжу народ встречал Краснокутского радостными криками, состоялось торжественное построение гарнизона, на улицах раздавалась беспорядочные выстрелы, которые комендант крепости Едим-паша смог остановить с большим трудом. На рассвете 11 декабря Краснокутский был уже в Бухаресте. Согласно его заметке, дорога от Рушука до Константинополя заняла у него 226 часов. Если среднюю скорость передвижения на лошадях принять за пять верст в час, то он, по собственному заключению, проделал путь в 1130 верст. А если измерять его дорогу от Константинополя до Бухареста, то соответственно, 330 часов и 1650 верст [4, с. 117].

Народное ликование по случаю будущего заключения мира оказалось преждевременным. Выполнение обещания нового визиря Юсефа незамедлительно отправить полномочных переговорщиков в Яссы затягивалось. Турки ссылались то на необходимость поиска безопасных окольных путей из Адрианополя до Шумлы, то на глубокий снег, морозы и разбой на дорогах. Александр I был крайне недоволен и считал, что турки затягивают начало переговоров не случайно, и побуждал наших дипломатов приложить усилия для проявления Диваном большей расторопности. Но турки продолжали тянуть время, и 12 марта 1809 г. султан Махмуд II издал фирман о возобновлении войны. Помощник А.А. Прозоровского генерал П.И. Багратион 10 сентября 1809 г. осадил Силистру — мощную крепость с широким, глубоким рвом, прочными крепостными стенами, 130-ю пушками и 11-тысячным гарнизоном. Он приказал блокировать все ведущие в крепость дороги и расположил войска в трех лагерях. Два из них находились под командованием М.А. Милорадовича, а стоявшим в авангарде у Калипетри третьим руководил генерал М.И. Платов. Связь с левым берегом Дуная поддерживалась благодаря курсировавшим из Калараша туда-сюда четырем паромам. Князь Багратион предложил силистринскому коменданту Илак-оглу сдаться, но тот гордо отказался: гарнизон крепости был силен, и запасов продовольствия в ней хватало на несколько месяцев. Началась осада, во время которой вокруг русских лагерей возвели 4 редута; ниже по течению на дунайском острове установили батарею из 6 орудий и 2 мортир, но ядра оттуда до крепости не долетали. Однако они, равно как и батарея из 7 орудий на левом берегу реки, не давали туркам оказывать Силистре помощь водным путем. Посланные по Дунаю турецкие суда сразу же были разбиты русскими артиллеристами. А прибывшие из Гирсова (Хыршова) три русских военных судна окончательно перечеркнули возможность турок посылать что-либо осажденной Силистре из Рушука. Тогда турки решили действовать по суше: на помощь силистринцам отправился корпус из Туртукая (Тутракана). 23 сентября он был встречен выступившим навстречу отрядом Платова. Неприятель был опрокинут, обращен в бегство и преследуем на протяжении 15 верст.

Дальше турок преследовать не стали «по причине позднего осеннего времени и совершенного опустения края от жителей, где надлежало действовать» [9, ч. I, с. 223, 227].

Наступление поздней осени ухудшило снабжение русских войск на правом берегу Дуная. Переправы сковало льдом, препятствующим судоходству, но недостаточно толстым, чтобы безопасно передвигаться по нему на возах к противоположному берегу. Багратион решил снять осаду Силистры со второй половины ноября, отправиться на зимовку на левый берег Дуная до второй половины марта, а весной снова обложить силистринскую крепость. Его план был одобрен Александром I, но возобновить осаду Силистры в задуманный срок помешал весенний разлив Дуная. Ее удалось начать значительно позднее. В осажденном генералом А.П. Зассом Рушуке турецкий гарнизон был меньше, чем в Шумле, но им командовал смелый и многоопытный комендант Бошняк-ага. Он поддерживал связь с соседними крепостями и договорился действовать сообща с провадийским пашой Али Куманцом. Вылазки из Рушука турки делали практически каждый день. Во время одной из них наши потери составили 250 человек [9, ч. II, с. 51–52]. Нависала опасность и со стороны Дуная. Однажды турки на 16 баркасах незаметно прошли мимо Рушука и Журжу, причалили к левому берегу Дуная, где располагался наш арьергард, и после яростного боя захватили 15 русских орудий. На помощь поспешила наша флотилия, но ее командир Центилович был убит, и подкрепление запоздало.

В осажденной Шумле находился 10-тысячный гарнизон и множество мирных жителей, которых трудно было прокормить. Но 28 июля 1810 г. турки сумели скрытно провести обоз из Ямбола на верблюдах под сильным прикрытием. Перехватить удалось лишь 200 человек боевого охранения, замешкавшихся в одном из сел. Ободренные турки соорудили окопы на северной стороне крепости, сделав их неприступными. Русская армия во время осад постепенно слабела. Она была рассредоточена, ее ряды косили болезни, для сопровождения обозов приходилось выделять значительные силы, потому что территории вокруг были беспокойными. Военные историки позднее писали, что «Булгары подняли против нас оружие» [9, ч. II, с. 43]. Вместе с присоединившимися к ним беглыми турками они устраивали удачные засады, поскольку очень хорошо знали тропы и проходы в окрестных лесах и горах. Болгары нападали на небольшие отряды, конвоировавшие подвозы и транспорты с больными, и на одиноких курьеров. Очередной командующий Молдавской армией генерал Н.М. Каменский смотрел на эти небольшие «шалости» сквозь пальцы. Захваченных за разбоем болгар после увещевания отпускали по домам, но подобная снисходительность не имела успеха. Разбои продолжались как и прежде, поэтому дорогу от Шумлы до Силистры стали прикрывать два пехотных батальона, но это не смогло выправить положение дел, поскольку «... Булгары никогда не нападали там, где видели наши войска. Избегая встречи с ними, они продолжали грабить и убивать наших в тех местах, где не ожидали отпора» [9, ч. II, с. 44].

В целом 1810 г. в той войне был отмечен многими русскими победами над турками. В мае были заняты Балчик и в очередной раз Туртукай; сдалась осажденная корпусом А.Ф. Ланжерона и Н.Н. Раевского крепость Силистра; далее последовали захваты у турок городов Свиштов, Бяла и Тырново. В сентябре капитулировали Рушук и Журжу, и был занят Никополь. Отряд М.С. Воронцова овладел Плевной, Ловчей (Ловчем) и Сельвой (Севлиево). Но я не собираюсь подробно рассказывать о ходе военных действий данной войны. Скажу лишь, что она завершилась блистательной военной и дипломатической победами генерала М.И. Кутузова, назначенного команду-

ющим Молдавской армией в марте 1811 г. Положение Кутузова было нелегким, потому что в его распоряжении оказалось не так уж много военных сил. После переброски пяти русских дивизий с Дуная в другие регионы России в распоряжении русского главнокомандующего осталось всего 45 тысяч человек, в то время как у турок армия возросла до 70 тысяч. Великий визирь Ахмед-паша решил воспользоваться численным превосходством своих войск. По его замыслу, удар предстояло нанести в двух направлениях. Главные силы во главе с ним должны были устремиться к Рушуку, перейти Дунай и разбить Кутузова. Разгром русских, по его разумению, станет возможным после соединения его армии с крупным корпусом Исмаил-бея, который соберется у Софии, переправится через Дунай у Видина и начнет с боями продвигаться к Бухаресту [9, ч. II, с. 170–171].

Кутузов решил не давать генерального сражения туркам у занятого нами ранее Рушука, куда Ахмед-паша явился с почти 60-тысячным войском. В живой силе турки превосходили русский корпус более чем в три раза. Поэтому после 12-часового боя с турками 27 июня 1811 г. Кутузов оставил Рушук, срыв крепостные укрепления и уведя за собой по понтонному мосту на левый берег Дуная местное население⁶. Своими действиями Кутузов как бы приглашал турецкую армию идти вслед за ним, и Ахмед-паша поддался на его уловку. Он решил перебросить через Дунай свои основные силы в составе 36 тысяч человек и 50 орудий, сосредоточив их в лагере в местечке Слободзея неподалеку от Журжи. Против переправлявшихся войск Ахмеда-паши Кутузов отправил пять батальонов пехоты во главе с генералом М.Л. Булатовым, которые со второй попытки обратили суда турок в бегство огнем из 8 пушек береговой артиллерии. Но Ахмед-паша исправил ситуацию, приказав стрелять по своим в панике бегущим солдатам, и турки отбили наше нападение. К 1-му сентября на левый берег Дуная переправилась вся турецкая армия вместе с Ахмедом-пашой во главе. Турки укрепили свой лагерь четырьмя редутами — в ответ Кутузов приказал построить вокруг нашего лагеря 9 редутов и блокировать неприятеля со всех сторон [10, с. 292]. Большую опасность для нас представлял 20-тысячный резерв турок на правом берегу у Рушука. 1 октября 1811 г. по приказу Кутузова корпус генерал-лейтенанта Е.И. Маркова, состоящий из 5000 пехотинцев, 2500 кавалеристов с приданными им 28 орудиями, форсировал Дунай напротив села Петрошаны в 18-и км к западу от Рушука. Безлунной ночью корпус переместился ближе к турецкому лагерю, остановившись на ночлег в 5 км от турок. На рассвете русские подразделения двинулись вперед, образовав пять пехотных каре с авангардом из казаков. Через 2 км наш корпус столкнулся с турецкой конницей, потеснившей казаков до самого каре. Но его дружные залпы заставили турок повернуть вспять, и на плечах бегущих наши гусары, казаки и пехотинцы ворвались в неприятельский лагерь. Турки в панике бросились в разные стороны, оставив нам богатые трофеи: 22 знамени, 8 пушек и весь обоз. Потери неприятеля составили около 1500 человек — наши 9 человек убитых и 40 раненых [9, ч. II, с. 203–208; 10, с. 304–307].

После этой победы логично было пресечь возможность переброски ресурсов блокированному лагерю Ахмеда-паши и со стороны Силистры и Туртукая. Овладеть этими городами по приказу Кутузова должен был, переправившись через Дунай, отряд под командованием генерал-майора Е.Е. Гампера. Туртукай без боя занял отряд полков-

⁶ Болгарское население откликнулось на изданные в 1751 и 1764 гг. манифесты в России, призывавшие иностранцев заселять южнорусские земли. Особенно соблазнительными были последующие обещание о выделении семьям переселенцев по 60 десятин земли и десятилетнее освобождение от налогов [8, с. 24–26]. Общее число болгарских и гагаузских семей, которые со временем осели в России и Дунайских княжествах, насчитывало около 97 тысяч человек [3, с. 301].

ника Грекова, а к решению проблемы с Силистрой приступили 11 октября 1811 г. Два батальона Козловского полка и два эскадрона Смоленских драгунов и казаков скрытно пересекли Дунай ниже Силистринской крепости и бесшумно начали к ней приближаться. А с западной стороны к ней столь же скрытно двигались дружины болгар численностью 138 человек⁷. Комендант крепости Илак-оглу был уверен в своих силах: в ходе этой войны он уже дважды выдерживал осады русских «гяуров» под командованием сначала князя Багратиона, а затем и графа Каменского. Но на этот раз все произошло слишком неожиданно, почти мгновенно. Русские солдаты разом поднялись на валы и под барабанный бой ворвались в крепость. А болгары быстро отеснили от ворот толпы вооруженных турок и хлынули внутрь города, почти не встречая отпора. Беспорядочность турецкой обороны Силистры послужила причиной недолгого сопротивления турок. Тысяча их была пленена, в руки победителей попало 8 знамен, 12 турецких пушек, в том числе недавно доставленных из Константинополя, транспортные суда и арсенал. Часть турецкого гарнизона бежала в направлении Шумлы, но была настигнута нашими казаками. Потеряв при этой операции всего 44 человека, отряд Гампера срыл укрепления Силистры и возвратился на левый берег Дуная [9, ч. II, с. 213–214].

Разгром рушукского лагеря и уничтожение возможных пунктов поддержки Ахмеда-паши — Силистры и Туртукая — сопровождалось перекрытием Дуная сверху и снизу от турецкого лагеря 14-ю нашими судами, которые были вооружены орудиями большого калибра. Генерал Марков направил огонь русских и турецких трофейных орудий против лагеря Ахмеда-паши с левого берега Дуная. Началось систематическое истребление попавшего в западню неприятеля. Его косили русские ядра, голод, холод, болезни. К ноябрю 1811 г. от собранного в лагере цвета турецкой армии осталось менее половины. Турецкие солдаты приходили менять деньги, часы и шали хоть на какую-либо еду. Но наше командование издало строгий приказ о запрете всякого обмена с турками. Еще несколько дней такого положения, и все турки просто бы вымерли. Но Кутузов делал при этом вид, что он якобы возвратит Османской империи ее окруженную армию, и 25 ноября верховный визирь заключил с ним соглашение. В соответствии с ним турецкая армия должна быть выведена из лагеря «для сохранения», рассредоточена по селам и переведена на русское довольствие. При этом ружья и пушки турок следовало сдать и перевезти на склад в Журжу, где они должны были находиться под общим русско-турецким караулом. В плен попало 12 тысяч турок — треть от той армии, которая ранее перешла Дунай. От артиллерийских обстрелов с суши и Дуная, полученных ранений, стужи и голода погибло более 20 тысяч турок. Еще около 2 тысяч заразившихся лихорадкой и прочими болезнями турок перебежало на нашу сторону [9, ч. II, с. 229]. Несмотря на это, Османская Порта не соглашалась на установление новой границы по Серету, а хотела провести ее по Днестру. Она также настаивала на сохранении за ней Килии и Измаила в Бессарабии. Турецкие переговорщики в Бухаресте ничего не подписывали, ожидая распоряжений султана из Константинополя [9, ч. II, с. 210–211].

В этой обстановке М.И. Кутузов решил провести своеобразную демонстрацию готовности продолжать военные действия в случае турецкой неуступчивости. На берег Дуная были отправлены четыре пехотных батальона с легкими орудиями и казаками, готовые перейти на правый берег реки, как только она замерзнет. Одновременно были

⁷ Участие болгарских добровольцев на стороне русской армии началось еще со второй половины XVIII в. В 1752–1764 гг. из болгарских, сербских и валашских добровольцев было сформировано 2 гусарских полка общей численностью более 4200 человек [7, с. 80–83].

усилены отряды Булатова у Систова (Свиштова), Гартинга у Силистры, графа Ливерне у Галаца и Тучкова у Измаила. 2 февраля 1812 г. Булатов выступил из Зимницы и взял в плен более тысячи турок, возвратился назад и на следующий день снова переправился через Дунай, заняв Никополь. Турки вынуждены были пойти на уступки, как и русская сторона. Россия возвратила Османской Порте Молдавию и Валахию, но оставляла за собой Бессарабию с крепостями Измаилом, Бендерами, Хотинном и Аккерманом. Граница между двумя империями проходила по Пруту до слияния его с Дунаем. Отсутствие жесткости у России в переговорах с турками объяснялась сложной геополитической ситуацией. На русских границах стояла армия Наполеона, и вскоре должен был начаться ее поход на Москву. Россия же в результате Бухарестского мира добилась столь нужной передышки на Балканах и приобрела Бессарабию — новую территорию площадью 40 тысяч кв. км с населением в 700000 человек. Турция официально признала добровольное вхождение в состав России Восточной и Западной Грузии. Россия получила право свободного торгового судоходства по всему течению Дуная. Подтверждены были привилегии дунайских княжеств Молдавии и Валахии, полученные ими ранее по Ясскому мирному договору. Сербия получила право внутреннего самоуправления (т. е. автономию). Император Александр I ратифицировал Бухарестский мирный договор 11 июня 1812 г. за день до вторжения Наполеона в Россию [3, с. 55–56].

Можно подвести некоторые итоги тому, что русско-турецкая война 1806–1812 гг. привнесла нового в знания о Болгарии и болгарях в России. Уникальным для того времени можно считать описание А.Г. Краснокутским болгарских земель. Он не только живописно рассказал о буре на Дунае и создал выразительные картины Балкан, Шипкинского перевала и их преодоления вместе со спутниками, но и впервые известил русского читателя о замечательной Долине роз близ Казанлыка, где производят лучшие в мире розовое масло и воду. Важным было и его сообщение об отношении забалканских болгар к России и их надежде на освобождение от турецких угнетателей благодаря русскому оружию. Без сомнения, огромную ценность для нашего военного ведомства представляли точные данные Краснокутского о том, сколько часов отнимала у него езда верхом по маршруту следования от одного болгарского города до другого. Их практическая ценность разом бы уменьшилась, если бы расстояния между упоминаемыми им болгарскими населенными пунктами приводились в верстах без учета скорости перемещения, диктуемой ландшафтом местности. В целом же Краснокутский как бы продолжает здесь и определенную традицию русской литературы, идущей от Средневековья и порога Нового времени: от наших авторов хождений и до «Описания Турецкой империи» Ф.Ф. Дорохина [11], сообщавших читателям длину дорог между селениями, которые они проходили. Но следует отметить и то, что у А.Г. Краснокутского подобные данные о Болгарии и болгарях занимают сравнительно небольшое место. В своих письмах анонимному другу, — а именно так автор определяет жанр своего сочинения, — он больше уделяет внимания описанию Константинополя, нравам, царящим при дворе султана и другим вещам, не имеющим к «болгарской» теме никакого отношения.

Материалы о русско-турецкой войне 1806–1812 гг. дают также интересные данные, касающиеся отношения болгар к появляющимся в пределах их земель русским войскам. Они свидетельствуют о наличии среди болгарского населения двух противоречивых тенденций. С одной стороны, одни болгары приветствовали приход русской армии, оказывали ей содействие, присоединялись к ней и даже с оружием в руках при-

нимали участие в овладении турецкой крепостью Силистры. А с другой стороны, были и такие болгары, кто начал против русских настоящую партизанскую войну: нападали на небольшие наши военные отряды, слабо охраняемые транспорты с ранеными и провиантом и одиноких курьеров. В основном это были жители равнинной части болгарского Подунавья, наиболее пострадавшей во время ведения этой войны: дома сожжены, нивы вытоптаны русской и турецкой конницей, припасы на зиму реквизированы всегда голодными солдатами. В одном из своих донесений М.И. Кутузов писал императору Александру I, что за пять военных лет болгарские земли превратились «в разоренные пустыни, где не было ни жителей, ни селений, ни турецких войск». И далее:

От Дуная до Балкан являлись одни безлюдные пепелища, пространство земли, покрытое грязью. Жертвы бедствий войны, тяготевших над ними пять лет, Булгары, удалялись с семьями в вертепы и ущелья Балканских гор, обитаемые хищными зверьми [9, ч. II, с. 227].

И чтобы как-то прокормить свои семьи, многие болгарские мужчины вынуждены были заняться разбоем. Горький опыт, приобретенный мирными болгарскими в те годы, привел к тому, что во время следующей русско-турецкой войны 1828–1829 гг. они заблаговременно бежали в горы, стараясь убраться подальше от театра военных действий. Вот почему встреча наших участников той войны с болгарскими становилась тогда едва ли не уникальным событием.

Список литературы

Исследования

- 1 Багаева А.Ф. Образ Болгарии в русской литературе до Освобождения: поэтика и проблематика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2020. 29 с.
- 2 Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб.: Военная тип. в здании Главного штаба, 1885. Т. I: с 1806 по 1807 гг. Полковник Генерального штаба А.Н. Петров. 414 с.
- 3 Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Россия в системе международных отношений XIX – начала XX в. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2008. 250 с.
- 4 Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году, самим им писанные. М.: В тип. С. Селивановского, 1815. 122 с.
- 5 Дойнов Ст. Преселнически движения от българските земи по време на руско-турските войни през първата половина на XIX в. // История на България. София: Изд-во БАН, 1985. Т. V. С. 186–189.
- 6 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / пер. с франц. под ред. Е. Каменского // Русская старина, 1908. Т. 34, №4. С. 225–240.
- 7 Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка с 1775 по 1780 год. П. Саковича. М.: В тип. Александра Семена, 1858. Гл. 2. 320 с.
- 8 Медведева О.В. Болгарские переселения в Россию в политике российского государства в XVIII – первой трети XIX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М.: Демиург-арт, 2009. С. 20–40.

- 9 Михайловский-Данилевский А.И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 г. до 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1843. Ч. I. 280 с.; СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1843. Ч. II. 279 с.
- 10 Война России с Турцией. 1806–1812 гг. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1887. Т. III: 1810, 1811, 1812 гг. / сост. по Высочайшему повелению Генерального штаба Генерал-майором А.Н. Петровым. 468 с.
- 11 Сырку П.А. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII в. // Православный Палестинский сборник. СПб.: В. Киршбаум, 1890. Вып. 30, т. X. 213 с.

© 2025. Igor I. Kaliganov
Moscow, Russia

**THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1806–1812,
AND A TRIP THROUGH BULGARIA TO CONSTANTINOPLE
BY THE DIPLOMATIC COURIER A.G. KRASNOKUTSKY**

Abstract: The paper examines the first descriptions of the nature of Bulgaria in the Russian literature of the early 19th century by the diplomatic courier A.G. Krasnokutsky. They were the result of his direct impressions received during a trip from Bucharest to Constantinople through the Bulgarian lands in 1808 with a dispatch from the Russian military command to the Turkish Sultan regarding a possible conclusion of peace. The circumstances, however, turned out to be such that the war between Russia and Turkey, which began in 1806, unfortunately continued. But Krasnokutsky, who showed his talent as a writer, left to posterity wonderful memories of his journey to Constantinople and back, written by him in the genre of romantic letters to an anonymous friend (“Day notes of a trip to Constantinople by Alexander Grigoryevich Krasnokutsky in 1808, written by himself”, 1815). They contain descriptions of the storm on the Danube, the Balkans, the Shipka pass, the Valley of Roses and other Bulgarian localities. The Russian–Turkish war of 1806–1812, which was half-forgotten by us, is also noteworthy since for the first time it revealed the natural ambiguous attitude of the Bulgarians towards the Russian troops. On the one hand, the Bulgarians assisted them or even directly participated with them in the struggle against the Turks, and on the other hand — conducted guerrilla actions against the Russians, especially in the razed, depopulated Bulgarian Danube region.

Keywords: Bulgaria, Russia, the First Descriptions of Bulgarian Nature, Bulgarian-Russian Relations.

Information about the author: Igor I. Kaliganov — Professor, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32A, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0002-1106-5091>

E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Received: August 12, 2024

Approved after reviewing: September 12, 2025

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Kaliganov, I.I. "The Russian-Turkish War of 1806–1812, and a Trip through Bulgaria to Constantinople by the Diplomatic Courier A.G. Krasnokutsky."

Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 76, 2025, pp. 186–202. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-186-202>

References

- 1 Bagaeva, A.F. *Obraz Bolgarii v russkoi literature do Osvobozhdeniia: poetika i problematika* ["The Image of Bulgaria in Russian Literature Before its Liberation: Poetics and Problematics": PhD Thesis, Summary]. Moscow, Lomonosov State University Publ., 2020, 29 p. (In Russ.)
- 2 *Voina Rossii s Turtsiei 1806–1812* [The War of Russia with Turkey], vol. 1: s 1806 po 1807 gg. [from 1806 to 1807], composed by General Staff's Colonel A.N. Petrov. St. Petersburg, Military General Staff Publ., 1885, 414 p. (In Russ.)
- 3 Georgieva, N.G., Georgiev, V.A. *Rossiiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii 19th – nachala 20th veka. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russia in the System of International Relations of the 19th – Early 20th Century. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, University of People's Friendship Publ., 2008. 250 p. (In Russ.)
- 4 *Dnevnye zapiski poezdki v Konstantinopol' Aleksandra Grigor'evicha Krasnokutskogo v 1808 godu, im samim pisannia* [Every day's Notes of a Trip to Constantinople by Alexander Grigoryevich Krasnokutsky in 1808, Written by Himself]. Moscow, S. Selivanovsky Publ., 1815. 122 p. (In Russ.)
- 5 Doinov, Stefan "Preselnicheski dviseniia ot balgarskite zemi po vreme na rusko-turskite voini prez parvata polovina na 19 v." *Istoriia na B'lgariia*, vol. V. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1985, pp. 186–189. (In Bulgarian)
- 6 "Zapiski grafa Lanszerona. Voina s Turtsiei 1806–1812 gg." ["Notes by Count Langeron. The War with Turkey 1806–1812"], trans. from French; ed. by E. Kamensky. *Russkaia starina*, vol. 34, no 4, pp. 225–240. (In Russ.)
- 7 *Istoriicheskii obzor deiatel'noti grafa Rumiantseva-Zadunaiskogo i iego sotrudnikov: kniazia Prozorovskogo, Suvorova i Brinka c 1775 po 1780 god. P. Sakovicha* [Historical Overview of the Activities of Count Rumyantsev-Zadunaisky and his Collaborators: Prince Prozorovsky, Suvorov and Brink from 1775 to 1780. By P. Sakovich], chapter 2. Moscow, Alexander Semyon Publ., 1858, pp. 1–98. (In Russ.)
- 8 Medvedeva, O.N. "Bolgarskiie pereseleniia v Rossiiu v politike rossiiskogo gosudarstva v XVIII – pervoi treti XIX v." ["Bulgarian Migrations to Russia and the Politics of the Russian State in the 18th – First Third of the 19th Century"]. *Slavyanskii v tret'em tysiacheletii. Rossiia i slavianskie narody vo vremeni i prostranstve* [The Slavic World in the Third Millennium. Russia and the Slavic peoples in Time and Space]. Moscow, Demiurg-art Publ., 2009, pp. 20–40. (In Russ.)
- 9 Mikhailovsky-Danilevsky, A.I. *Opisanie Turetskoi voyny v tsarstvovanie imperatora Aleksandra s 1806 do 1812 goda* [Description of the Turkish War During the reign of Emperor Alexander from 1806 to 1812]. St. Petersburg, Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard Publ., 1843. Part I. 280 p. St. Petersburg, Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard Publ., 1843. Part II. 279 p. (In Russ.)

- 10 *Voina Rossii s Tyrtsiei. 1806–1812 gg.* [*The war of Russia with Turkey. 1806–1812*], vol. III: 1810, 1811, 1812, Compiled According to the Supreme Command of the General Staff by Major General A.N. Petrov. St. Petersburg, Military Publ. (in the bilding of the General Staff), 1887, 468 p. (In Russ.)
- 11 Syrku, P.A. “Opisanie Turetskoi imperii, sostavlennoie russkim, byvshem v plenu u turok v XVII v.” [“Description of the Turkish Empire, Compiled by a Russian who was Captured by the Turks in the 17th Century”]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [*Orthodox Palestinian Collection*], issue 30, vol. X. St. Petersburg, V. Kirshbaum Publ., 1890, 213 p. (In Russ.).